

О нравах жителей Тверской губ., по поводу статьи г. Сахацкаго.—Часто въ жизни человѣка совершаются совершенно неожиданныя перемѣны, попадаешь въ такія мѣста, о которыхъ прежде и зналъ-то только развѣ изъ учебника Ободовскаго. Такъ и мнѣ, уроженцу сѣверной губ., неожиданно-негаданно пришлось прожить около 3 лѣтъ въ Волынской губ.

Все, что прошло, вспоминается съ удовольствіемъ, потому-ли, что дѣйствительно жилось лучше, или ужъ не злопамятенъ человѣкъ — кто его знаетъ? Вотъ почему статья Н. Сахацкаго «Замѣтки объ охотѣ въ Привислянскомъ краѣ» возбудила во мнѣ хорошія воспоминанія. Между дѣломъ приходилось мнѣ частенько охотиться съ гончими на козъ и лисицъ въ Волыни, особенно въ 1871 — 72 года, когда я жилъ близъ австрійской границы, въ мѣстечкѣ Берестечкѣ. Тѣже звѣри, что въ привислянскомъ краѣ, тѣже гончія, тѣже лѣса; а въ статьѣ г. Сахацкаго все такъ правдиво и вѣрно, что читая ее, живо вспоминаешь всѣ охоты, всѣ мѣста — точно вчера ихъ оставилъ. И собакъ своихъ какъ сейчасъ вижу: одинъ выжлецъ описываемой крупной породы и четыре мѣшанные. Вотъ только гоньба козъ у насъ шла не совсѣмъ такъ, какъ изображено въ «Запискахъ»: У г. Сахацкаго возведено въ аксіому положеніе, что собака, какъ бы пората она ни была, не поймаетъ же вѣдь его» (звѣря, т. е. козу). Живя въ Берестечкѣ я охотился почти постоянно съ однофамильцемъ автора «Записокъ», офицеромъ пограничной стражи, затѣмъ съ товарищемъ его Н. Ил. И. и моимъ сослуживцемъ А. А. Ф. Пустимъ мы, бывало, гончихъ, а сами займемъ мѣста въ линію; живо собаки (5 моихъ и 2 Н. Ил. И.) подымутъ козъ, напавъ на стадо, раздѣлятся на 2—3 партіи—и пошла гоньба. Прорвалась коза сквозь нашу цѣпь—ждать скоро нечего: лѣсъ огромный кругъ коза дѣлаетъ не жалѣя ногъ, и идетъ отъ собакъ, приблизительно на версту. Затѣмъ, черезъ часъ, можетъ быть, является обратно: удалось ей снова миновать выстрѣла—опять она уведетъ гончихъ со слуха, но кругъ будетъ уже на половину меньше. Бываютъ такіе незавидные дни, что никому стрѣлять не приходится; тогда коза, часа черезъ 4 гоньбы, начинаетъ кружить, какъ бѣлякъ и дѣло кончается тѣмъ, что пойдетъ шагомъ; собака еле движется, но все таки догоняетъ ее и по своему пользуется побѣдой. Не разъ приходилось намъ оставлять собакъ въ лѣсу и ѣхать домой уже ночью; на другой день собаки являлись чрезмѣрно сытыя и мнѣ приходилось доставать изъ-за щеки собаки большія клочья шерсти. А еслибы пустить туда здѣшнихъ англо-русскихъ собакъ, козамъ житья бы не было.

Много въ той мѣстности охотниковъ дѣльныхъ, а между тѣмъ какъ много тамъ козъ, лисицъ, кабановъ!.. И все это потому, что тамъ охотники именно дѣльные и охота ведется на самыхъ разумныхъ началахъ.

Не то въ нашихъ мѣстахъ.

Въ тотъ, съ позволенія сказать, городъ, гдѣ я живу теперь, мнѣ пришлось переѣзжать въ сентябрѣ 1878 года. Подъѣзжая къ городу, я любовался роскошными заячьими мѣстами, и въ первый же свободный отъ служебныхъ занятій день, всталъ чуть не съ полуночи и къ свѣту былъ среди самыхъ лучшихъ мѣстъ. «Ну, собачки, будетъ вамъ работа—думаю. Но увы! главная то работа досталась намъ съ кучеромъ-охотникомъ: цѣлый то день хлопали мы арапниками, цѣлый день ходили и по мелочамъ и по крупному лѣсу—безплодно! До ночи такъ ни одна собака и не отозвалась... И нѣсколько охотъ въ окрестностяхъ города имѣли тѣже послѣдствія. Голоса своихъ собакъ приходилось слушать только дома: съ тоски ревуть.

Что-жъ сей сонъ значить? Навожу справки.—«Охотятся здѣсь съ загонщиками?»—Нѣтъ.—«Ловятъ тенетами?»—Нѣтъ.—«Какъ же бьютъ зайцевъ?»—Съ гончими.

Нѣтъ, думаю, что нибудь неладно: съ гончими такъ чисто не выйдешь.—Вотъ пошли пороши. Волчьяго слѣда много, лисьяго нарыска тоже; по угорамъ Волги русаковъ довольно, а бѣляка—души охоты—нѣтъ. Такъ бы его отсутствіе и осталось для меня загадкой, еслибы не случай.

Въ первыхъ числахъ мая, сиюю я у открытаго окна и благодушествую, со стаканомъ чая, наслаждаясь благораствореніемъ воздуховъ. Подходить мужикъ.—«Ваше б—діе! къ Вашей милости.»

— Что тебѣ?—«Уточку не надо-ли?»—Какъ уточку, какую?—«Да лѣсовую.»—Покажи. Смотрю—широконоска.—Какъ ты ее добылъ?—«Да рыбу ловилъ, очень ужъ близко подпустила.»

— Зачѣмъ же ты, братецъ ее стрѣлялъ? Чай знаешь, съ 1 марта до Петрова дня запрещено? Я тебя съ уткой отправлю въ полицію и ты можешь заплатить штрафа до 25 руб.

При такомъ непріятномъ оборотѣ, мужикъ тащить шапку съ повинной головы, по обычаю запускаетъ пятерню въ затылокъ и, потупившись, начинаетъ защиту.

— «Ваше б—діе! Будьте милостивы—простите! Нужда моя,—думалъ заработать двугривенный! а вѣдь бьютъ теперь кому и заработки не нужны.»—Кто-жъ это теперь бьетъ?—«Да вотъ, хоть бы нашъ предсѣдатель Т. съ братцемъ, да баринъ К., да баринъ Ч., да еще Бр. ѣздили: 13 зайцевъ убили.»

Ушамъ своимъ не вѣрю! Вѣрнѣе—мужику не вѣрю. Какъ? осенью я видѣлся съ этимъ самымъ Т., и онъ про охоту такія хорошія слова говорилъ, а теперь... нѣтъ! не можетъ быть!

— Какъ ты смѣешь, каналья, говорить, чтобъ они подобную гадость сдѣлали? Пошелъ вонъ! и—грѣшный человѣкъ—въ шею прогналъ мужика, забылъ и про утку: такимъ гнѣвомъ воспыалъ на защиту своихъ собратовъ-охотниковъ. А все какое то раздумье,—нѣтъ-нѣтъ—да и вспомнишь: 13 зайцевъ, сколько бы это было къ осени? Чтобы окончательно успокоиться, навожу опять справки и—о ужасъ, стыдъ и срамъ,

и поношеніе званія охотника! Оказывается, что... незаслуженно былъ вытолканъ въ шею мужикъ! Былъ сдѣланъ отъѣздъ на 3 дня и положено 13 зайцевъ!... И хорошіе мотивы этого звѣрства выставляютъ гг. Т. и К^о: есть здѣсь хорошіе, дѣльные охотники, которые осенью съ гончими, зимой—по порошамъ, бьютъ зайцевъ не мало. Гг. Т. это завидно. Уравнять количество убитыхъ зайцевъ они видятъ одно средство, именно—довести до крайняго минимума, по возможности до нуля, добычу сосѣдей. Затѣмъ то и бьютъ они зайцевъ весной, съ намѣреніемъ истребляя ихъ такимъ образомъ окончательно, и сами откровенно сознаются, что не въ примѣръ имъ пріятнѣе убить сукотную зайчиху, чѣмъ самца.

Назови-ка поступокъ гг. Т. и К^о настоящимъ, съ охотничьей точки зрѣнія, именемъ—къ мировому попадешь... лучше ужъ не надо.

А охотники жалуются на уменьшеніе дичи, причинъ доискиваются. То, говорятъ, лисицы виноваты, то волки, то не вѣсть еще что!.. Эхъ, господа охотники! Не лучше ли осмотрѣться: нѣтъ ли и около васъ такихъ... такихъ... какъ бы это помягче выразиться?... Нѣтъ, тутъ никакъ мягко не выразишься,—ну, однимъ словомъ: *такихъ?!..* Н. Б.

Изъ Москвы.—6-го іюня. Новостей очень мало: у охотниковъ, т. е. у настоящихъ, затишье, за то у промышленниковъ дѣла по горло; недѣли двѣ тому назадъ, были доставлены въ Охотный Рядъ, изъ Казани, 1000 паръ дупелей, и на прошедшей 600 паръ, между которыми множество самокъ. Одинъ благодѣтель, служившій прежде у торговцевъ въ Охотномъ Ряду, и знающій, какъ обращаться съ такой дичью, какъ дупель, выучилъ этому искусству также и казанскихъ сборщиковъ дичи. Теперь они, какъ скоро наберутъ паръ 100—200 дупелей, такъ и замораживаютъ ихъ искусственнымъ образомъ. Ученики оказались понятливы и хорошо сѣумѣли воспользоваться преподанными имъ уроками, такъ какъ нашли возможность отправить въ Москву такое количество дупелей въ теплое время. Прежде дупелей изъ Казани никогда не присылали. Что касается другой дичи, то въ продажѣ ея мало, т. е. свѣжей; дергачи да кой-когда бекасы попадаютъ, турухтановъ уже вовсе не видать.

Вальдшнепы молодые уже летаютъ, также и молодые бекасы; въ воскресенье 3 іюня въ Охотномъ Ряду я видѣлъ трехъ молодыхъ бекасовъ; крылья у нихъ почти какъ у старыхъ. Тетерева уже съ недѣлю какъ вывелись, что мнѣ передавали мужики, находившіе ихъ.

Недѣли три назадъ мнѣ былъ доставленъ въ набивку вальдшнепъ почти что весь бѣлый. Верхняя часть головы нормальная, щеки желтоватыя, шея много свѣтлѣй и желтоватѣе нормальнаго цвѣта, маховыя перья бѣлыя съ свѣтлоричневыми пятнами; остальное все бѣлое. Глаза нормальные, ноги, клювъ—розоватые. Этотъ чрезвычайно рѣдкій экземпляръ убитъ въ Верейскомъ уѣздѣ, Москов. губ. Выродки у вальдшнеповъ очень рѣдки: втеченіи уже семи лѣтъ, я занимаюсь специально набивкой